

В память о Дж.С.

ГЛАВА 1

МЕРТВЕЦ НА ДОРОГЕ

Дождь начался без предупреждения. За час до него стемнело, так что тучи собрались уже под покровом ночи. И зарядил-то он не на шутку, повергнув в уныние всех жителей Вераржана.

Пробарабанив минут сорок — а было это во вторник 4 апреля 1931 года, около восьми вечера, — дождик сначала чуть поутих, а потом ливанул с новой силой на всю ночь.

Новый тембр дождя не заглушал других звуков. Пекарь, собираясь уже отправиться на боковую, услышал плеск воды у себя в подвале. Откинув засов, он спустился вниз и обнаружил настоящий потоп чуть ли не по колено глубиной. Вода потоком стекала по фасадной стене.

Пекарь в ужасе бросился наверх звать жену. Та, сбегав по лестнице, увидела все собственными глазами, а пекарь уже спешил к вешалке в прихожей за своим черным дождевиком. Такое уже случалось раньше. Видно, опять чем-то забило придорожный ливневый сток, и вода, изменив направление, устремилась по дорожке к их дому, напрямик в подвал. Ну ничего, завтра он задаст в мэрии кому следует!

Жена поднялась из подвала, а пекарь уже вышел за порог под дождь. От сильного ветра капюшон лип ко лбу, сползал чуть ли не на самые глаза. Ссутулив плечи и опустив голову, пекарь заспешил по утопанной земляной дорожке, уже размокшей от многочисленных ручейков. Придется теперь полночи выгрести воду из подвала, а ведь полчетвертого ему уже надо быть на ногах, чтобы выпекать хлеб. Ничего-ничего, будет завтра с мэром разговор!

Добежав до проезжей части, он огляделся, ища глазами канализационный сток. Уличные фонари были потушены, но он

разглядел лежащее прямо на сточном отверстии тело. Видимо, какая-то пьянь!

— Эй! — прокричал пекарь, приближаясь к человеку, лежащему лицом вниз. Голос его терялся в шуме дождя, и он снова окликнул: — Эй, ты!.. — И пнул лежащего в ногу.

Никакой реакции. На улице ни души. Темные окна в домах, наглухо закрытые ставни. Пекарь еще раз пнул лежащего и выругался. Дождевая вода бурным потоком продолжала нестись к его дому.

Он стоял в растерянности, представляя себе свой завтрашний, не менее бурный денек, как вдруг заметил, что лицо пьяницы погружено в бурлящую воду, и только тогда у пекаря в голове впервые промелькнула паническая мысль.

Он опустил на колени, отчего сразу же намокли брюки. Дождь колючими иглами колотил сверху по плечам. Преодолевая чувство брезгливости, пекарь взял пьяницу за плечи и перевернул лицом вверх. Голова пьяницы безвольно откинулась в сторону. Глаза открыты, лицо распухшее. Дождь пьяницу не тревожил.

Пекарь инстинктивно отшатнулся, в голове промелькнуло: «Да этот парень мертвый!» Он прямо оцепенел от этой мысли, и сердце бешено застучало почти у самого горла. Поднявшись с колен, пекарь побежал к дому.

Жена, ежась от холода, поджидала его на пороге.

— Ну? Расчистил?

— Звони в полицию! — сказал ей пекарь.

Жена направилась к телефонному аппарату, висевшему на стене в прихожей, буркнув по дороге:

— Ты плащ-то сними! Гляди, как на пол льет с него!

— Звони в полицию! — твердил пекарь, ничего ей не объясняя. — Звони в полицию, звони в полицию...

Жена поднесла к уху трубку.

— Гудков нет. Похоже, бурей повредило линию.

Пекарь снова повернулся к двери, взявшись за ручку.

— Ты куда? Там в подвале же...

— Там на улице мертвый человек.

Пекарь жил в десяти минутах ходьбы от мэрии, где также располагался полицейский участок. Проходя мимо покойника, он старался не смотреть в его сторону. Дождь продолжал лить

нешадно, а в голове крутились мысли: «Мертвец... В подвале потоп... Встать завтра ни свет ни заря... Мертвец...»

В полицейском участке он обнаружил, что даже исправная телефонная линия не изменила бы дела. Из трех дежурных офицеров двое выехали на автомобильную аварию еще до поломки телефонной линии.

— Во время дождя дороги становятся опасными, — объяснил ему оставшийся офицер. — Людям не следует выходить из дома в такую погоду.

— Но там на дороге мертвец! — продолжал твердить пекарь, сбитый с толку тем, что его слова не вызвали никакого всплеска активности.

— Ничего, мы подождем Мартена и Арно.

Пекарь присел на один из трех деревянных стульев, стоявших вдоль стены между дверью и конторкой дежурного офицера. С башмаков его на кафельную плитку пола натекали лужицы воды. Полицейский уже записал его имя и причину обращения в участок и теперь просто сидел, коротая время. Но пекарю было трудно сосредоточиться хоть на какой мысли. Он изнемогал от усталости.

Через двадцать минут явились Мартен и Арно — в перепачканных грязью дождевиках. Мельком взглянув на пекаря и проигнорировав его присутствие, они продолжали говорить о чем-то своем, пока дежурный офицер за стойкой не прервал их разговор и не растолковал им, зачем пришел пекарь.

Потом решили так: Мартен сопроводит пекаря до дома, а Арно тем временем сгоняет на полицейской машине в больницу и вызовет медицинскую помощь.

Снова очутившись под дождем, Мартен с пекарем умолкли. Улицы по-прежнему были пустынно. Даже самые поздние ночные бары и кафе в центре города были закрыты. Мартен с пекарем, добравшись до дома, нашли тело все в том же неподвижном состоянии. Оно по-прежнему загораживало канализационный сток, направляя потоки воды в сторону дома пекаря. Они молча стояли в нескольких футах от него, не вынимая рук из карманов дождевиков и ссутулив плечи.

Прождать им пришлось не больше минуты, после чего к дому подкатила полицейская машина в сопровождении кареты скорой помощи. Из нее выпрыгнули медики, достали из задней дверцы носилки. Арно подошел к Мартену и пекарю.

— Мы завтра свяжемся с вами, если понадобится, — сказал Мартен.

Пекарь наблюдал, как медики грузили тело в «скорую». Потом, когда перед глазами уже не было мертвеца и мысли чуть прояснились, он сказал:

— Но кто-то же должен прочистить канализационный сток.

— Это вы утром скажете коммунальщикам.

— Мне вставать ни свет ни заря, а у меня в подвале воды по колено.

Но полицейских это, похоже, не волновало.

Да и у самого пекаря мысли были заняты совсем другим.

«Скорая помощь» укатила, и один из офицеров сказал:

— Мы дадим вам знать.

Правда, не уточнил, о чем они дадут ему знать. Потом они сели в свою полицейскую машину и тоже укатили, оставив пекаря одного на пустынной дороге.

Дождевой поток теперь, как он заметил, снова вернулся в правильное русло и сливался в канализационный сток. Тогда, повернувшись, пекарь побрел к своему дому, где ему предстояло всю ночь вычерпывать воду из подвала.

Жена спустилась к нему навстречу.

— Ну что там?

Пекарь стянул с себя мокрый дождевик и принялся закатывать рукава рубашки.

— Да пьяницу какого-то сбили.

Такие вот новости сообщил старшему инспектору Центрального управления Пеллетеру начальник полиции Вераржана Летро на следующее утро за завтраком. Пеллетер приехал в Вераржан, чтобы выслушать показания убийцы, содержавшегося в заключении в близлежащей тюрьме Мальниво. Убийцу этого, некоего Мауссье, Пеллетер лично арестовал несколько лет назад за многочисленные убийства детей, которых тот держал в клетках в своем подвале, устраивая между ними бойцовские схватки на выживание. Ранее Мауссье уже дважды требовал встречи с Пеллетером, утверждая, что у него есть для того ценная информация. Пеллетер ненавидел такие вот встречи с осужденными преступниками, но Мауссье отказывался говорить с кем бы то ни было еще, а его информация оба раза оказывалась

как нельзя более точной и полезной. За время двух прошлых визитов в Вераржан Пеллетер и начальник местной полиции Летро подружились.

Пока они ели свой завтрак, дождь лупил не переставая, и городская площадь за мокрым оконным стеклом выглядела расплывчатым невнятным пятном.

Кроме них в кафе не было других посетителей. Хозяин скучал за стойкой, скрестив на груди руки и наблюдая за потоками низвергающейся с небес воды. Две электрические люстры были включены из уважения к разбушевавшейся непогоде.

Через площадь, словно неуклюжий зверь, промчался автомобиль и скрылся из виду, натужно жужжа мотором.

Людей на пустынных улицах Вераржана почти не было — за исключением тех, кого гнала за дверь суровая необходимость. А вчера вечером погода была и того хуже. И с какой стати пьяница тащиться под дождь, когда можно посидеть в баре?

— Расскажи мне про этого найденного покойника, — сказал Пеллетер.

— Ну... мы пока не знаем, кто это такой. Никто из моих ребят его раньше не видел, а ведь в таком маленьком городишке люди каждую сову в лицо знают. Документов при нем не было. Ни бумажника, ни денег. Видно, просто бродяга. Мы отправили его отпечатки пальцев на проверку — может, найдется соответствие.

— А у вас тут что, много бродяг?

— Да нет.

Пеллетер откинулся на спинку стула и достал из внутреннего кармана пиджака сигару, закурил ее и выдохнул внушительный клуб дыма.

— Сходишь со мной к пекарю? — спросил Летро.

Пеллетер задумчиво жевал кончик сигары. Увидев, что Пеллетер закурил, хозяин подошел к ним забрать грязные тарелки. Они подождали, когда он уйдет.

— Мне вообще-то надо попасть в Мальниво. И мадам Пеллетер ждет меня дома.

— Да там разговоров на минуту, не больше. Подумаешь, какое дело — пьяница захлебнулся в луже. Просто если я приду туда с тобой, инспектором из центра, то нам удастся узнать

больше. Этот Бенуа от испуга просто не сможет что-либо утаить.

За окном продолжал лить дождь.

— Да и с какой стати ему что-то утаивать? Просто я хочу соблюсти все формальности.

— А Расскажи мне про этого пекаря.

— Про Бенуа? Ну что про него рассказать... Например, он выпек вот этот хлеб, который мы с тобой только что ели. До него здешним пекарем был его отец, но старик умер уже давно. Работает он семь дней в неделю, из дома и из пекарни выходит редко. У себя дома он такой, знаешь ли, прямо командир, а встретишь его где-нибудь еще — ну на рынке там или в кино — такой будет незаметный человек. Мои ребята говорят, он сидел вчера вечером в участке будто ученик, которого вызвали на взбучку к школьному директору. А ведь он на пятнадцать лет старше моего самого взрослого офицера! Жена помогает ему в пекарне.

Пеллетер махнул было хозяину, чтобы расплатиться, но Летро сказал, что уже позаботился об этом.

— У меня здесь свои расклады, — объяснил он, вставая из-за стола.

Пеллетер убедился, что сигара его потухла, и убрал ее в карман. С вешалки у двери он снял свой дождевик и шляпу.

Летро попрощался с хозяином, ответившим ему словно спросонок. Надевая плащ, Летро пробурчал:

— Ой, как же не хочется тащиться под дождь!

С этими словами он открыл дверь, и в помещение ворвался шум непогоды — будто кто-то включил радио.

На улице было болеелюдно, чем им казалось из кафе, но все спешили деловито, ссутулив плечи, опустив голову, лишь изредка встречался неторопливый прохожий с зонтиком.

В центре площади бронзовая статуя на трехметровом бетонном постаменте невозмутимо обозревала витрины магазинчиков, расположенных по северной стороне.

На улице было промозгло и холодно.

Они молча шагали плечо к плечу — даже и не поймешь, кто кому показывает дорогу. Пересекли площадь и направились по одной из западных улиц, мимо жилых домов и различных заведений. Пекарня располагалась на первом этаже двухэтажного кирпичного здания, за пять домов от площади. На сте-

клянной табличке красовалась выведенная зеленой и золотой краской надпись: «Бенуа и сын».

В магазине несколько женщин выстроились в очередь за свежими булками, но, увидев полицейских, Бенуа сразу вышел к ним из-за прилавка, оставив своих покупательниц.

— Месье Летро! Как я рад, что вы пришли! Вчера из-за этой жуткой истории моя жена так расстроилась! Уснуть все никак не могла, а ведь нам вставать ни свет ни заря. Хлеб же надо выпекать. Почти глаз не сомкнули.

Несмотря на эти бурные приветствия, пекарь выглядел измученным, что подтверждали темные припухшие круги у него под глазами. Левая щека осталась не до конца выбрита.

— А подвал у меня весь размыло. Когда-нибудь дом мой просто рухнет, вот увидите! Городские власти должны что-то с этим сделать. Каждый раз, когда засоряется этот канализационный сток, я потом два дня кряду выгребаю из-под дома воду! У меня уже черви из-под стен лезут!

Мадам Бенуа, подменив мужа, взялась отпускать хлеб покупательницам, по-видимому, привыкшим к многоречивым тирадам пекаря. Они по одной выходили из булочной, и каждый раз звон дверного колокольчика сливался с шумом дождя за порогом.

— Вот познакомьтесь, это старший инспектор Пеллетер. Он прибыл узнать, в чем тут дело, — сказал Летро.

У Пеллетера такая рекомендация вызвала раздражение. Он чувствовал, что все больше и больше увязает в этом расследовании. Гораздо больше, чем ему бы этого хотелось. Он пошевелил губами, хотя было не вполне ясно, что означало это выражение.

Бенуа сделал еще несколько шагов навстречу гостям.

— Что, неужели все так серьезно?

Он помолчал и внезапно оживился:

— Или вы приехали с инспекцией наших водосточных канав, чтобы наконец разрешить эту проблему раз и навсегда? Тогда пожалте ко мне в дом. Жена сама тут справится. А я покажу вам подвал, вы посмотрите, сколько там до сих пор воды!

— Я из Центрального полицейского управления, — сказал Пеллетер.

Бенуа снова помрачнел.

— А что такое?

— Да ничего, насколько нам известно, — сказал Летро. — Просто хотели еще раз послушать, что вы скажете о вчерашнем происшествии.

Дверь открылась, звякнув колокольчиком и выпустив последнюю покупательницу. Мадам Бенуа из-за стойки наблюдала за тремя мужчинами.

— Я уже собирался идти спать, когда вдруг решил пойти проверить подвал. Как я уже говорил, во время таких гроз нас часто заливает. Когда увидел этот потоп, я сразу бросился на улицу и обнаружил там валяющегося на земле пьяницу. Мы хотели вызвать полицию, но телефон не работал, поэтому я сам пошел в участок. А он все лежал там, и из-за этого воды у меня в подвале набралось, наверное, вдвое больше.

— Наши люди сказали, что он лежал лицом вверх, когда они нашли его.

— Сначала он лежал лицом вниз. Это я перевернул его — хотел посмотреть, что с ним. Перевернул и увидел, что он мертвый...

— А вы что-нибудь слышали? Или, может быть, видели?

Бенуа тербил правой рукой левую, потирая костяшки пальцев. Голос его стал тихим и каким-то затравленным, он посмотрел на жену, потом снова на Пеллетера.

— А что там можно было услышать? Только дождь... Только дождь...

Бенуа повернулся к жене и спросил:

— Ты вчера вечером что-нибудь слышала?

Поджав губы, она мотнула головой.

Летро с Пеллетером переглянулись, и Пеллетер кивнул.

— Ладно, Бенуа, спасибо, — сказал Летро.

— А... — Бенуа снова посмотрел на жену. — А... что-то все-таки случилось? Или этот человек просто был мертвецки пьян?

— Ну да. Насколько нам известно.

У Бенуа на лице отобразилось некоторое облегчение. Ему явно хватило вчерашнего и теперь было не до новых потрясений.

— Ой, затереть надо лужи, — засуетился он, посмотрев на пол. — Затереть надо...

Дверь открылась, и на пороге появилась новая покупательница, и за ней еще одна. Они обсуждали скверную погоду.

Бенуа вопросительно посмотрел на полицейских, как бы испрашивая разрешения вернуться к работе, и Летро сказал ему:

— Спасибо. Мы дадим вам знать, если что-то понадобится.

Бенуа с выражением заметного облегчения на лице убежал обратно за прилавок и первым делом бросился к стоявшей в углу швабре.

— Вы зайдите ко мне домой, и я покажу вам, какой потоп у меня в подвале. Вода аж вот где. — И он отметил на ноге место чуть пониже колена.

Пеллетер с Летро вышли на крыльцо.

— Ну? Что думаешь?

— Да тут нечего думать.

— Нет, ну я просто хотел сам все это выслушать.

Пеллетер одобрительно кивнул. С полей его шляпы ручейками стекала вода.

Они направились обратно к площади.

— Пошли в участок. Я отвезу тебя в Мальниво на машине.

Они подождали, когда по улице проедет машина, и перешли на другую сторону. Дождь к тому времени заметно поутих, но сеял не переставая. Во многих окнах горел свет. Это пасмурное утро можно было принять за сумерки.

Они вошли в здание полицейского участка через боковой вход мэрии. Участок представлял собой просторное помещение, разделенное на две части дежурной конторкой. Перед конторкой — маленькая приемная с несколькими стульями. За конторкой — три тесно поставленных друг к другу письменных стола. По левой стене — двери в другие помещения. Летро нужны были ключи от одной из полицейских машин.

— Инспектор, тут для вас послание, — сказал молодой человек за дежурной конторкой, потом посмотрел на Пеллетера и снова перевел взгляд на своего начальника.

Пеллетер видел парня впервые, но было совершенно очевидно, что молодой офицер знал, кто сейчас находится перед ним.

— Это офицер Мартен, — представил парня Летро. — Это он вчера ходил домой к пекарю. — И, обращаясь к Мартену, спросил: — Мертвый бродяга опознан?

— Нет еще, — ответил молодой полицейский. — Зато из больницы сообщили вот это.

Летро обернулся.

Мартен взял со стола листок, на котором записал сообщение, но даже заглядывать в него не стал, а выпалил по памяти:

— Причиной смерти послужили множественные колотые раны в области груди и живота. Вода в легких не обнаружена.

Пеллетер с Летро переглянулись. Летро побледнел. Сбитый на дороге бездомный пьянчужка в одночасье превратился в криминальный труп. А отсутствие воды в легких означало, что этот человек был мертв еще до того, как оказался в придорожной канаве.

Молодой полицейский вопросительно посмотрел на начальника и нервно сглотнул.

— Что-нибудь еще? — рявкнул Летро.

— У него на одежде нет никаких дырок, — сказал Мартен. — Кто-то забил его ножом до смерти, а потом передел.

ТЮРЬМА МАЛЬНИВО

В помещении полицейского участка повисла тишина, ставшая еще более неловкой, когда из одного из кабинетов вышли двое полицейских, весело хохочущих над какой-то своей шуткой.

Но они сразу умолкли, уловив всеобщую мрачную атмосферу.

Летро подошел к конторке дежурного и взял у младшего офицера листок с сообщением.

— Мне надо позвонить в больницу, — сказал он и скрылся в своем кабинете, громко хлопнув дверью.

Пеллетер почувствовал на себе вопросительный взгляд Мартена и отвернулся, не желая вступать в назидательный разговор. Он достал из кармана сигару, прикурил ее и опустил на стул, на котором вчера вечером сидел пекарь.

В дальнем конце помещения за конторкой двое полицейских продолжали обмениваться шутками.

Пеллетер наслаждался сигарой. Он распахнул плащ, с которого на пол капала вода.

Если Летро намерен копать долго, то он просто возьмет такси. Часы посещения в тюрьме заканчиваются рано. Охранники там, помнится, были не очень-то склонны к побряккам — визиты Пеллетера их раздражали. Он чувствовал, что они ведут себя непрофессионально и почему-то считают побряккой для заключенных его посещения. И его собственное отвращение к этим визитам никак не могло их смягчить.

Но пока он просто сидел и ждал, слушая, как тихо переговариваются между собой трое полицейских за столами. Убийство в этом маленьком городишке считалось большим событием.

Попыхивая сигарой, Пеллетер поглядывал на ее кончик. Больше половины уж выкурено.

Дверь кабинета Летро открылась, офицеры притихли, но он даже не обратил на них внимания, когда прошел через все помещение к сидевшему на стуле Пеллетеру.

— Пошли! — сквозь зубы процедил он.

Пеллетер встал. Летро был явно расстроен.

— Я могу вызвать такси.

— Нет. Какое еще такси? Пошли!

Они снова вышли под дождь и направились к одной из полицейских машин. Дверцы ее не были заперты. Летро сел за руль, а Пеллетер устроился рядом на пассажирском сиденье.

Летро завел двигатель, включил дворники и сразу рванул с места, направляя машину к восточному выезду из города.

— Какие-то новости? — поинтересовался Пеллетер.

— Только то, что ты слышал.

Следующие полчаса езды они провели в молчании.

Когда город кончился, по обе стороны дороги потянулись поля, обнесенные проволочной оградой. Иногда встречались фермы или одинокие амбары. На выгонах паслись коровы с перепачканными грязью боками. Даже здесь, в сельской местности, все краски были не яркими, а какими-то смазанными и приглушенными, и все, казалось, было пригнуто к земле буйными весенними ветрами. И над этой унылой картиной нависало безбрежное хмурое небо.

Вскоре вдалеке показалась тюрьма, и через десять минут они уже были на месте. Угрюмое, неказистое строение, выделявшееся на фоне окрестностей темным пятном, выглядело как осиротелый остаток былых времен.

Навстречу им из будки вышел охранник, махнул и пошел открывать тяжелые чугунные ворота.

— Вот жизнь у него, не позавидуешь, — заметил Летро.

Охранник открыл ворота, и полицейские въехали на территорию тюрьмы.

На небольшой замощенной булыжником площадке перед главным входом стояли другие транспортные средства: грузовик, две полицейские машины и три гражданские. В здании имелся также внутренний двор, куда заключенных выводили

на прогулку. Узенькие окошки камер глядели с каменных стен словно мертвые, незрячие глаза.

— По-моему, не очень удачная была идея устроить здесь тюрьму, — сказал Летро, паркуясь на площадке. — Сюда свозят преступников из самых разных далеких мест. И получается, что о них в стране больше никто не помнит. Только наш город. Он к этой тюрьме ближе всех. Все, кто здесь работает, живут в Вераржане. И они могут понабраться здесь нехорошего. А у нас городок тихий, мирный — только мелкие кражи да изредка пьяные дебоши.

Пеллетер не стал напоминать Летро, что прошлым вечером в его тихом мирном городке произошло убийство, — в конце концов, Летро был прав.

— И место это выглядит так же мрачно даже в самый погожий день. Я ненавижу ездить сюда.

На входной двери заскрежетал металлический засов, и их пропустили вовнутрь. Сумрачное помещение освещали только две голые электрические лампочки на стене под самым потолком.

— Давайте мне свои дождевики, господа, — сказал охранник.

— Ну как ты тут, Реми? — спросил его Летро.

— Да жив пока, — ответил охранник, вешая плащи на крючки возле двери.

— Ну это как водится.

Пеллетер тем временем прошел в административное помещение. За два года, прошедшие с его последнего визита, здесь ничто не изменилось. Все та же огромная комната с двумя рядами письменных столов в середине. Все те же шкафы вдоль стен, и за столами все те же люди. Все те же унылые коричневатые стены с бликами от тусклых электрических лампочек на потолке.

Начальник тюрьмы, кряжистый седовласый дядька, должно быть, уже был осведомлен о приезде Пеллетера, поскольку уже поджидал его с нетерпением. Свое раздражение он умудрился использовать так, чтобы придать себе еще большую важность.

— Инспектор Пеллетер, наконец-то! Рад видеть вас. Еще пять минут, и мы бы с вами разминулись. Я обещал жене свозить ее в большой город на несколько дней, она уже час как меня ждет.

За спиной начальника тюрьмы стоял, скрестив руки на груди, аккуратный угловатый человек.

— Позвольте представить вам месье Фурнье. Полагаю, вы еще не знакомы. Фурнье теперь работает у нас заместителем начальника тюрьмы. Выполняет всю работу, к которой у меня сердце не лежит.

Фурнье пожал Пеллетеру руку.

— Он шутит.

Никто из них не улыбнулся.

— В мое отсутствие Фурнье останется за главного и окажет всю помощь, какая вам потребуется. Хотя вам и помощь-то вряд ли нужна, вы же у нас человек опытный. — Начальник тюрьмы произнес эти слова с улыбкой, но в лице его сквозила недоброжелательность. — Вы вполне могли бы и сами привести на допрос заключенного.

Он огляделся. Люди за письменными столами пытались сосредоточиться на своих бумажках, но явно чувствовали себя неуютно.

— Нет, мне действительно нужно ехать. — Он глянул на наручные часы, потом на настенные. — Не надо было даже дожидаться вас. Фурнье, у вас же есть все, что нужно?

— Да, господин директор.

Начальник тюрьмы направился было в свой кабинет, но обернулся, когда дверь открылась и на пороге показался Летро.

— О, инспектор Летро? — Он бросил недовольно-вопросительный взгляд на Фурнье. — Надеюсь, ничего ужасного?

Летро, застигнутый этим вопросом врасплох, помедлил в дверях. Он посмотрел на Пеллетера, но лицо у того было непроницаемым.

— Вот, пока жив еще, как говорит Реми.

— Ну это как водится, — ответил начальник тюрьмы с усмешкой.

Летро прошел в комнату и поздоровался со всеми присутствующими, включая Фурнье.

Начальник тюрьмы, извинившись, удалился в свой кабинет.

— Прошу вас, старший инспектор, следуйте за мной, — сказал Фурнье.

Они вышли из административного помещения и направились по длинному узкому коридору. Фурнье держался с ледяной аккуратностью.

— Как я понял, вы здесь уже бывали?

— Да, это мой третий визит.

— Начальник тюрьмы считает, что вы оказываете этому человеку слишком большое доверие и даете ему возможность почувствовать свою значимость. А наша работа как раз заключается в том, чтобы не дать этим людям почувствовать своей важности. Они же преступники.

Пеллетер ничего не ответил. Достав из кармана свою наполовину выкуренную сигару, он вставил ее в рот, не прикуривая.

— Несомненно, некоторые из них очень даже умны, и совершаемые ими преступления требуют большой смелости. Возможно, родись они в другое время, не были бы преступниками. Но сейчас они просто преступники. Их нужно наказывать, а не аплодировать им. А внушать им какие бы то ни было мысли о значительности их персоны и вовсе опасно.

Они оказались перед дверью одной из комнат для свиданий, при необходимости служивших также и комнатами для допросов.

— Так начальник тюрьмы говорит?

— Нет, это я так говорю, — сказал Фурнье, и выражение лица его при этом ничуть не изменилось. Он отпер дверь ключом, прикрепленным к большой связке. — Подождите здесь.

Пеллетер хотел спросить у Фурнье, знает ли тот, что совершил Мауссье, но передумал. Ведь заместитель начальника тюрьмы не видел собственными глазами тех замученных изувеченных детей. Человек, способный на такое, в любом случае испытывает чувство собственной исключительности.

Пеллетер прошел в комнату. Дверь за ним захлопнулась с лязгом — его даже чуть передернуло от этого звука. В комнате не за что было зацепиться глазу: каменный пол, каменный потолок, каменные стены. Ни один звук не проникал сюда. Разве одно это уже не наказание для преступника?

Вскоре дверь снова открылась, и двое надзирателей ввели Мауссье — лысого старикашку с морщинистым лбом и крючковатым носом. Руки, скованные наручниками, он держал впе-

реди, на ногах тоже были кандалы, соединенные с наручниками металлической цепью. Надзиратели усадили Мауссье на стул напротив Пеллетера.

В комнату также пришел Фурнье и с ним еще трое.

— Мы будем находиться прямо за дверью, так что, если он попытается...

— У нас все будет в порядке, — перебил его Пеллетер.

— Но если он...

— Все будет в порядке.

У Фурнье раздулись ноздри — впервые за все время он позволил себе выказать какие-то эмоции.

— Мы со старшим инспектором никуда не денемся, — невозмутимо, почти умиротворяюще проговорил Мауссье, сверля Фурнье пристальным, настойчивым взглядом.

Фурнье кивнул надзирателям, и те вышли вместе с ним, закрыв за собой дверь и повернув в замке ключ.

— Как поживает мадам Пеллетер? — осведомился Мауссье.

Пеллетер жевал сигару, перемещая ее из одного уголка рта в другой, — только так он мог отогнать возникавшие перед глазами образы тех замученных детей.

Мауссье, похоже, понимал это.

— Деток пока так и не подарила вам? — Мауссье улыбнулся. — Хотя, конечно... Кораблик уже уплыл. Поздновато о детках думать. А жаль. Ведь только благодаря детям в этом мире и стоит жить. — Он насупил брови, и губы его сложились в трагическую театральную складку. — Ну а здесь, конечно, детей никогда не бывает. — Выражение его лица сделалось холодным. — Зато дождей много.

Пеллетер продолжал жевать сигару, понимая, что, видимо, скоро прикурит ее, чтобы не задохнуться от ярости.

— Впрочем, это только для мадам Пеллетер поздновато, а для вас пока еще нет. Должность старшего инспектора! А девочек молоденьких сколько вокруг! Кто-нибудь из них мог бы позаботиться о вас, когда придет старость. Вы подумайте об этом!

Мауссье, охваченный своими фантазиями и довольный собственными шутками, буквально ликовал. Железные цепи ему нисколько не мешали. Он в упор смотрел на Пеллетера.

— Ну так как поживает мадам Пеллетер? Хорошо, надо понимать?

Пеллетер терпеливо ждал. Торопить Мауссье было бессмысленно — любая реакция со стороны Пеллетера сделала бы этот словесный поток бесконечным.

— А как вам эта камера? Так себе, да?.. Нет, и они все равно загоняют вас сюда. У меня почти такая же, но там хотя бы окошко есть. — Он поднял правую руку, а из-за наручников вместе с ней и левую, и пальцем начертил в воздухе квадратик. — Малюсенькое такое, но все-таки окошко. И я должен поблагодарить вас. Спасибо вам! Спасибо огромное!.. Я каждый раз так радуюсь вашему приходу! Так и передайте начальнику тюрьмы. Или Фурнье. Хотя нет, ему не надо, а то он еще подумает, что вы мне приглянулись. Он же не так умен, как вы, откуда ему знать, что вы — не в моем вкусе.

Он снова в упор посмотрел на Пеллетера, и морщины еще глубже прорезали его лоб.

Пеллетер все-таки решил закурить. Медленно достал из кармана одну-единственную спичку, чиркнул ею об стол и раскурил сигару. Мауссье молча наблюдал за ним.

— Ладно, я понял. — Лицо его сделалось серьезным. — В самом-то деле, Фурнье не даст мне сидеть тут вечно. Правила есть правила... А с вами тут мне как-то даже спокойнее, чем там... У вас была не одна возможность убить меня, а я вот все-таки здесь. — Он постучал себя по груди, звякнув цепями.

— Все когда-нибудь бывает в первый раз, — сказал Пеллетер, выпустив клуб сигарного дыма.

— Ой, как хорошо сказано! Прямо в самую точку! Вот поэтому я могу говорить только с вами. Ваша жена просто счастливая женщина... И до сих пор нет деток? — Он удивленно вскинул брови, потом, не получив никакого ответа, пожал плечами. — А дело-то, собственно, вот в чем: наши ряды редеют. Сначала одного, потом другого, третьего, четвертого... — Он снова театрально нахмурился. — Вот Гламье, например, убили. Тоже ваш был подопечный, так ведь? Глотку ему перерезали. И еще несколько смертей было.

— А я-то тут при чем? В тюрьмах постоянно людей убивают.

— Ну не постоянно... Не постоянно... А только иногда. Не так уж и часто на самом деле. Не так много сразу за один месяц. Не так много и не так безнаказанно, когда ничего не пред-

принимается и даже не говорится об этом... Не то что снаружи, а даже здесь.

— А что начальник тюрьмы говорит?

— А что он говорит?

Они внимательно наблюдали друг за другом, сохраняя спокойствие каждый на свой манер. Пеллетер курил. Мауссье улыбался.

— Нам нужен кто-то сторонний. Кто-то, кому мы могли бы доверять... Кто-то вроде вас. Какое-то расследование хоть провели бы, что ли.

— Расследование? Ради нескольких убитых заключенных?

— Ну, они тоже люди. — Театральные гримасы Мауссье не позволяли определить по его лицу истинных чувств. Они, как всегда, оставляли жутковатое ощущение.

Пеллетер наклонился вперед.

— Так ты хочешь, чтобы провели расследование? — Он встал. — Пожалуйста. Давай проведем. Фурнье вон, за дверью. Он заместитель начальника тюрьмы. Он все выяснит, во всем разберется. — Пеллетер подошел к двери и занес руку, собираясь постучать. — Я расспрошу его про все эти смерти заключенных. Он вашего брата, похоже, не больно-то жалует, но если кто-то убивает вас одного за другим, — он сделал вид, что собирается постучать в дверь, — то давай проведем расследование.

— Пожалуйста, не делайте этого, — попросил Мауссье. Голос его был по-прежнему тихим и невозмутимым и поэтому прозвучал как команда, а не как просьба.

Пеллетер опустил руку.

— Значит, расследовать нечего?

— Нет, просто это должны сделать нормальные люди.

Они продолжали изучать друг друга взглядом. Мауссье сохранял на лице самоуверенность, Пеллетер — стальную непроницаемость. Последний раз, когда Пеллетер приходил сюда, Мауссье обеспечил его информацией, необходимой для поимки одной женщины-убийцы, чье уголовное дело к тому времени уже почти три года как считалось глухим «висяком».

Пеллетер ждал, когда Мауссье скажет что-нибудь еще, но арестант смотрел на него молча, с притворной невинностью тараща глаза, отчего морщины у него на лбу делались еще глубже. Похоже, он просто устроил себе небольшое развлече-

ние, но задать несколько вопросов в таких случаях никогда не бывает лишним. В конце концов, Пеллетер всегда мог передать это дело в центральную комиссию по исправительным учреждениям.

Пеллетер подождал еще немного, потом постучал в дверь. В замке заворочался ключ.

— Передавайте от меня привет мадам Пеллетер! — крикнул ему вдогонку Мауссье.

Дверь открылась, и Пеллетер вышел.

Провожая Пеллетера обратно в административное крыло, Фурнье не поинтересовался, что сказал ему Мауссье. Причем трудно было понять, из каких соображений — то ли из профессионализма, то ли из презрения, то ли и впрямь из-за отсутствия интереса. Этот человек старательно соблюдал неприкосновенность, и трудно было прочесть, что у него на душе.

Летро поднялся им навстречу, когда они вошли.

— Ну что, готово дело?

— Да.

— Пожалуйста, дайте мне знать, если вам понадобится что-то еще, — сказал Фурнье.

— Непременно. И еще раз передавайте от меня привет своему начальнику.

— Обязательно передам. Я уверен, он сожалеет, что не смог остаться. Его супруга иногда бывает очень настойчивой.

Они пожали Фурнье руку и пошли забирать свои дождевики у Реми.

— Ну что там? — спросил Летро, натягивая плащ.

— Да надо бы разобраться, — сказал Пеллетер и спросил у Реми: — Много арестантов у вас умерло за последнее время?

Реми задумался, помогая инспектору надеть плащ.

— Ну умер один пару месяцев назад.

— От болезни?

— Нет, зарезали. — И, пожав плечами, он прибавил: — Люди везде умирают, и в тюрьме тоже.

— А еще смерти были?

Реми покачал головой.

— Не знаю. Ну были еще случаи, если вас это интересует. А что такого-то? Всякое случается.

Пеллетер плотно стиснул губы. Понять, о чем он думает, не было никакой возможности.

На улице дождь по-прежнему лупил все с той же силой. Летро с Пеллетером поспешили сесть в машину. Там было душно и сыро, что лишь усугубляло общее чувство дискомфорта.

— Тебе что-нибудь известно о смертях арестантов?

— Нет, — сказал Летро, заводя машину. — Но это просто могло пройти мимо меня. Это же вообще-то не наше дело.

— А где их обычно хоронят?

— Наверное, зависит от того, откуда они сюда поступили.

— А ты не слышал, чтобы какие-то тела отправляли отсюда железной дорогой?

Летро покачал головой.

— Нет. Но это же ни о чем не говорит.

— Ну да, это ни о чем не говорит. — Пеллетер задумчиво смотрел в окно.

— И что, Мауссье тебя за этим сюда вызвал?

— Да.

— И ты думаешь, за этим что-то кроется?

— Не знаю.

Остаток пути они молчали, но на этот раз Пеллетер не видел за окошком дождливых пейзажей — не видел ни амбаров, ни коров, даже не заметил, когда снова начался город.

Когда они подъехали к участку, дождь стих, и они смогли добраться от машины до дверей, не сутулясь и не пригибаясь.

— Ты сегодня возвращаешься в город? — спросил Летро.

— Не знаю.

— Ну смотри, если останешься, то моя жена и слышать не захочет, чтобы ты ужинал где-то еще.

— Спасибо.

Летро помедлил на пороге, потом зашел внутрь. Пеллетер последовал за ним.

В участке за конторкой дежурного сидел все тот же молодой офицер Мартен. Завидев начальника, он поспешил доложить:

— Еще одно сообщение для вас, шеф.

Летро взял у него листок с записью, а Мартен тут же прибавил:

— Дела обстоят все хуже и хуже.

Пеллетер подошел и заглянул в листок через плечо Летро.

Оказалось, что отпечатки пальцев вчерашнего покойника нашлись в общей базе. Имя — Марсель Меранже. Опытный взломщик сейфов, работавший на многочисленные преступные синдикаты по всей стране.

Это означало, что многие могли хотеть убрать его.

Проблема заключалась только в одном — в последней записи, сделанной витиеватым почерком Мартена.

Марсель Меранже был арестован тринадцать лет назад и приговорен к сорока годам тюрьмы.

Тюрьмы Мальниво.

АМЕРИКАНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Летро убежал в свой кабинет, оставив Пеллетера стоять с бумажкой в руках. В кабинете он первым делом схватился за телефонную трубку и рявкнул в нее:

— Здравствуйте... Дайте мне Фурнье!..

Пеллетер подошел к молодому офицеру за конторкой и кивнул на телефон.

— Можно?

Тот, удивленный, что у него вообще спрашивают разрешения, кивнул, растерянно выдавив из себя:

— Ну конечно!..

Пеллетер поговорил с оператором и повесил трубку.

Слышно было, как Летро в своем кабинете кричал:

— Да, это проблема, и это ваша проблема!..

— Из Мальниво когда-нибудь убегали арестанты? — спросил Пеллетер у молодого офицера, отчего тот опять растерялся, так как был занят тем, что старался подслушать, что говорит в своем кабинете начальник.

— На моем веку ни разу, а я прожил здесь всю свою жизнь, — ответил молодой офицер. — Но когда мы были детьми, тут ходили слухи о трех крупных побегах, случившихся со времен основания тюрьмы.

— О трех?

Офицер кивнул.

— В 1820-е один заключенный симулировал чахотку. Кашлял и кашлял целыми днями. Потом расцарапал пальцы о камни и этой кровью испачкал себе на груди робу — чтобы выглядело так, будто у него уже горлом идет кровь... Конечно, начальник тюрьмы побоялся, что зараза распространится на

всех заключенных, и распорядился отвезти этого арестанта в город и там поместить на карантин в старый сарай... Арестант сбежал сразу же, как только его привезли в город. Поезда здесь тогда еще не ходили, а попросить кого-нибудь подвезти он не рискнул, поэтому шел пешком и далеко уйти не успел, потому что его быстро схватили... На весь остаток дней его заключили в одиночную камеру.

В открытую дверь было видно, как Летро расхаживал по своему кабинету с телефонной трубкой в руках, телефонным шнуром приводя в беспорядок бумаги на столе.

— А другие два побега?

— Ну второй даже, в общем-то, не считается побегом. Один из арестантов, работавших в прачечной, спрятался среди простыней, списанных на выброс. Довольно распространенная идея. Разумеется, списанное белье стали проверять перед вывозом, и умника обнаружили, так что он даже не успел окатиться за тюремными стенами.

Летро в своем кабинете уже орал во весь голос:

— Послушайте, Фурнье! Вы бы лучше поскорее разыскали своего шефа, потому что ему грозит скандал, из-за которого он может лишиться места!

Молодой офицер не обращал внимания на этот шум, явно польщенный вниманием, оказанным ему старшим инспектором, приехавшим из центра.

— А последний побег случился во время войны. Тогда арестантам уже были разрешены прогулки во внутреннем дворе. Вот трое сговорились и запланировали побег... Придумали встать перед прогулкой последними в строю и, как только вышли на воздух, втроем набросились на замыкавшего строй надзирателя, отобрали у него оружие и, прикрываясь им как заложником, прорвались обратно в здание. Они добрались до главных ворот, но, к счастью, начальник тюрьмы как раз в тот момент вздумал сменить караул. Двоих пристрелили сразу, а третий сдался и стал утверждать, что они просто хотели сбежать на войну, чтобы помочь родине. Его отправили в окопы, там он и погиб. В общем, пуля ждала его в любом случае.

— То есть ни один из побегов в действительности так и не удался?

— Так точно, ни один.

— А как по-вашему, сейчас кто-то может убежать оттуда?

— Без помощи со стороны нет.

— Вот и я так думаю.

Пеллетер задумчиво прикрыл рот рукой.

— Старший инспектор?

Пеллетер оторвался от своих мыслей.

— А вот вы ходили в тюрьму к Мауссье... Ну, то есть это же вы его поймали... Вы знаете его. Это каким же человеком надо быть, чтобы...

Офицер Мартен вдруг осекся на полуслове, потому что взгляд Пеллетера, как тот сам вдруг осознал, был, видимо, свирепым.

Мартен сглотнул ком в горле, но, к своей чести, взгляда не отвел.

— Да нет, я просто думал, может, расскажете.

Пеллетер постарался согнать с себя этот грозный вид. Дело Мауссье действительно было шумевшим в свое время и долго не забывалось, чего порой так хотелось Пеллетеру. События эти в свое время явно не прошли мимо юного Мартена, а возможно, даже и подтолкнули его к решению стать полицейским. И вот теперь он видит перед своими глазами самого Пеллетера, которому предстоит раскрыть новое загадочное убийство.

— Да как тут расскажешь?.. Такие вещи, они же не поддаются ни постижению, ни объяснению, — покачал головой Пеллетер. И, подумав, прибавил: — Люди способны на все что угодно.

Эти слова расстроили Мартена.

— Нет, но я имел в виду то, что творил Мауссье...

Пеллетер положил руку парню на плечо, надеясь как-то облегчить его переживания.

— Просто я хотел бы быть готов к встречам с такими людьми, — объяснил Мартен.

— Не беспокойся, такого ты сразу определишь, — уверил его Пеллетер.

Мартена эти слова удовлетворили, а Пеллетер с усмешкой подумал о том, какую власть Мауссье взял над умами людей только благодаря тому, что его деяния стали предметом гласности. Он попытался припомнить свой первый допрос Мауссье, когда тот был еще просто подозреваемым. Сам-то он раскусил ли его тогда? Честно говоря, он даже сейчас затруднялся ответить на этот вопрос с уверенностью.

Летро в своем кабинете шумно брякнул трубку на рычажки. Он тяжело дышал, пытаясь совладать с собой.

На конторке дежурного зазвонил телефон, и Пеллетер сам снял трубку.

— Да... Старший инспектор Пеллетер... Мне нужно, чтобы вы достали папку с делом Марселя Меранже... Меня интересует все — семья, друзья, сообщники, враги, в общем, все-все... Сколько времени у вас это займет?.. Хорошо, я подожду...

Летро вышел из своего кабинета. Он был все еще красный от возбуждения, но, похоже, уже взял себя в руки. Он ждал, когда Пеллетер поговорит по телефону:

— Постойте, я сейчас дам вам другого офицера, и вы передадите информацию ему... Он подождет на телефоне... Спасибо. — Пеллетер передал трубку Мартену. — Запишите все, что там скажут.

Когда Пеллетер повернулся к Летро, тот, все еще багровый от гнева, поспешил доложить:

— Фурнье сказал, что попробует разобраться!

— Понятно.

— Да я мог бы...

Пеллетер подошел к Летро и, взяв под руку, увел в его кабинет. Закрыв за собой дверь, он стал наблюдать, как Летро снова принялся выхаживать взад-вперед, напряженно думая.

Потом Летро остановился и посмотрел на своего друга.

— Ты меня извини, просто у нас тут нераскрытых убийств уже тридцать лет не было.

— Да их у вас и сейчас пока нет.

— Фурнье сказал, что выяснит, не пропал ли у них кто из арестантов. Хотя говорит, он уже знал бы, если бы кто-то исчез за последние сутки.

— Ну да, наверняка знал бы. Ты сказал ему, что мы собираемся приехать?

— По его словам, в этом пока нет необходимости. Сам он сейчас будет занят разбирательством, а начальника тюрьмы нет на месте, так что нам лучше приехать завтра. Я посоветовал ему все-таки поставить в известность начальника тюрьмы, но он говорит, с ним нет никакой возможности сейчас связаться. Обещал, правда, что все будет держать под контролем, и что если мы хотим приехать, то лучше это сделать завтра.

По невозмутимому лицу Пеллетера трудно было прочесть его мысли, хотя он испытывал те же чувства, что и Летро.

— Меня этот Фурнье бесит! Ведет себя, будто ничего не произошло. Такой спокойный. Это же ненормально, — сказал Летро.

Пеллетер уже ловил себя на той же мысли сегодня. Фурнье вел себя так, словно ничто на свете не могло его поразить. Да еще начальника тюрьмы почему-то, как назло, не было в городе.

Летро сказал:

— Знаешь, а я хочу снова наведаться к Бенуа. Хочу взглянуть на его подвал.

— Это к пекарю?

— Ну да. Мне же надо хоть с чего-то начать! — Летро снова побагровел. — Мы ведь не знали еще об убийстве, когда разговаривали с ним сегодня утром. Может, что-то пропустили.

Летро направился к вешалке за дверью за своим плащом. Потом открыл дверь. Перед конторкой дежурного стояла старушка с мокрой собачонкой на руках — собачонку она держала, словно сумочку. Рядом с ней стоял молодой человек в шляпе. Оба они что-то торопливо объясняли двум полицейским офицерам, из-за чего в комнате стоял просто невообразимый гвалт. Мартен по-прежнему прижимал к уху телефонную трубку, прикрыв другое ухо свободной рукой.

Не обращая внимания на эту шумную картину, Летро направился к выходу. У самой двери он обернулся и сказал Пеллетеру:

— Ты со мной?

— Нет, езжай один.

Летро ушел, а Пеллетер сел и стал от скуки наблюдать за происходящим — ему пока оставалось только ждать.

Офицеры как-то умудрились уговорить посетителей излагать свои жалобы по очереди, и вскоре выяснилось, что молодой человек чуть не задавил старушкину собачку, когда парковался на площади. Молодой человек утверждал, что собачонка болталась на улице без присмотра. Никто, впрочем, не пострадал.

Пеллетер, слушая все это, попытался себе представить, каково это — быть полицейским в таком маленьком городке. Дождливая погода, похоже, всех взвинтила до предела.

— Старший инспектор! — позвал Пеллетера Мартен из-за конторки.

Пеллетер подошел.

— Ну? Есть что-нибудь?

Молодой офицер протянул ему листок, исписанный уже знакомым почерком.

— Вот, здесь список. Длинный. — Гордясь сделанной работой, он с готовностью ждал, когда Пеллетер просмотрит записи.

На плотно исписанном листке было около сотни фамилий. Некоторые из них были знакомы Пеллетеру по уголовным делам прошлых лет, но большинство имен ни о чем не говорило. Скорее всего, многие из этих людей тоже отбывали заключение или умерли.

Мартен встал и перегнулся через конторку.

— А знаете, инспектор, мне, кажется, знакома вот эта фамилия.

Имя, на которое он указал — Клотильда-ма-Флёр Меранже, — было помечено как дочь найденного на улице покойника.

— Такое необычное, редкое имя. Я даже попросил того человека на телефоне посмотреть, выходила ли мадемуазель Меранже замуж, и оказалось, что выходила. Она сейчас замужем за неким Шемом Розенкранцем, американским писателем. Ее теперь зовут Клотильда-ма-Флёр Розенкранц.

Старушка с собачкой вроде бы немного успокоилась, и разговор в комнате теперь шел в более сдержанных интонациях.

Мартен, ожидая от Пеллетера какой-либо реакции, прибавил:

— Они живут здесь, в городе.

— Где именно? — спросил Пеллетер.

Розенкранцы жили на западной окраине города, на улице Принсипаль, где дома стояли достаточно далеко друг от друга и постепенно переходили в сельскую местность. Их небольшой двухэтажный особняк с белыми ставнями был выкрашен в оливково-зеленый цвет. Низенькая изгородь, окружавшая владения, носила скорее декоративный характер.

Дождь на улице шел не переставая, но Пеллетер все же решил отказаться от машины и пройти пешком. Дом пекаря,

где вчера было найдено мертвое тело, находился в другой части города, на севере, но это ровным счетом ничего не означало, так как сам городок был не очень велик. Меранже мог идти к дочери или же уже побывал у нее. И еще важно было выяснить, кто помог ему бежать из тюрьмы.

Пеллетер прошел через ворота. Дом выглядел ухоженным и веселым даже в такую дождливую погоду. С козырька над входной дверью ручьями лила вода. В глубине дома горел свет. Пеллетер постучал.

Пока он ждал, по улице в сторону центра промчалась машина.

Пеллетеру никто не открывал, и он, озираясь по сторонам, постучал еще раз.

Конечно, Розенкранцы могли и уйти куда-нибудь, но в такой-то дождь вряд ли. И вряд ли они оставили бы включенным свет.

Ютясь под козырьком, он постучал громче, даже дверной косяк немного сотрясся.

В глубине дома показалась фигура, заслонившая собою свет, видневшийся в стекле дверного окошка. Быстрые шаги приблизились к двери, она распахнулась, и мужчина на пороге недовольно спросил:

— Что вам нужно?

Он был примерно одного с Пеллетером возраста. По-французски говорил почти без акцента, и все же что-то выдавало в нем иностранца. Возможно, манера держаться.

Пеллетер показал ему свои документы.

— Мадам Розенкранц дома?

— Нет. А в чем дело?

— Я хотел бы поговорить с ней лично.

— Ее здесь нет. А я работаю, так что извините. — Он не пошевелился, но всем своим видом дал понять, что собирается закрыть дверь.

— Я насчет ее отца. И думаю, она хотела бы поговорить со мной.

Мужчина сделал шаг вперед, преградив Пеллетеру путь.

— Если вы насчет ее отца, то она точно не захочет с вами говорить. Она порвала с ним навсегда. И ненавидит его.

— Но это никак не избавляет меня от необходимости поговорить с ней.

Мужчина переминался с ноги на ногу, словно готовясь дать отпор. Как и Пеллетер, он был крепок сложением и нисколько не обрюзг из-за возраста и сидячей писательской работы.

— Моя жена не разговаривает со своим отцом уже тринадцать лет. Поэтому все, что она может сказать, я могу сообщить вам прямо сейчас. А именно — ничего! Вам это понятно?

Пеллетер промолчал.

— Мне надо работать, — сказал месье Розенкранц и попятился, чтобы закрыть дверь.

Пеллетер, собираясь уйти, повернулся, но, когда дверь уже почти затворилась, спохватился.

— Еще только один вопрос! Если ваша жена давно не разговаривает с отцом, тогда почему она предпочла жить в городе рядом с его тюрьмой?

Розенкранц снова распахнул дверь, готовый уже чуть ли не лезть в драку. Но драться он, конечно, не стал, молча захлопнул дверь у Пеллетера перед носом, и в глубине дома послышались его удаляющиеся сердитые шаги.

Пеллетер нашел в кармане окурок сигары и вставил его в рот. Раскуривать под дождем новую сигару не хотелось.

Ступив из-под козырька под дождь, он направился по дорожке к воротам.

Из-за непогоды рано темнело. Во многих окнах уже горел свет. Пекарня Бенуа была закрыта. В кафе, где они с Летро завтракали, был вечерний наплыв посетителей. По булыжной мостовой к сточным люкам неслись многочисленные ручьи.

Пеллетер мог бы вернуться в участок, но у них, скорее всего, пока не было для него информации, как, впрочем, и у него для них. К тому же в участке ему сложнее было бы отказаться от предложенного Летро семейного ужина. Пеллетеру сейчас совсем не хотелось ни разговоров, ни домашнего уюта. Поэтому он отправился в свой отель, «Вераржан», располагавшийся на северной стороне площади.

Он сказал дежурному портье, что спустится к ужину через час, и попросил принести ему в номер пунша.

В номере он первым делом снял с себя мокрый плащ и шляпу, раскурил свежую сигару и взялся за телефонную трубку.

— Свяжите меня с полицейским участком, — распорядился он и, повесив трубку, стал ждать.

Сидя на краю постели, он курил, когда раздался телефонный звонок. Это был Летро.

— Да... Нет, ничего... Ее там не оказалось... Да я, в общем-то, и не особо рассчитывал на это... Нет, я переночую в отеле. Ты уж меня извини... Утром встретимся в кафе и потом поедem в тюрьму... Да, хорошо... Спокойной ночи. Ты звони, если что.

Он повесил трубку. За окном непроницаемой черной пеленой стояла ночь, ее прорезал только шум дождя и проносящихся изредка автомобилей.

У Пеллетера из головы не шли слова Мауссье о том, что кто-то убивает в тюрьме арестантов, и найденный потом на улице мертвец как раз и оказался тюремным арестантом.

И этот писатель американец вел себя как-то излишне агрессивно. Хотя, как знать, что чувствуют люди, когда тесть у них сидит в тюрьме. Ведь, в конце концов, все реагируют на полицию по-разному.

Девушка принесла ему пунш, и он, попивая его, стал переодеваться к ужину. После теплого напитка, сигары и сухой одежды он словно родился заново и вдруг понял, что жутко голоден. Отложив пока в сторону все насущные вопросы, спустился к ужину в самом что ни на есть оптимистичном настроении.

Внизу за конторкой портье девушка, принеся ему пунш, читала журнал. Небольшой тускло освещенный обеденный зал сразу за вестибюлем вмещал в себя лишь шесть круглых столиков. В дальнем углу сидел всего один посетитель. Пеллетер выбрал себе место у окна поближе к настенному светильнику. От окна тянуло сквозняком.

Из подсобного помещения в зал вышел хозяин отеля и, хлопнув в ладоши, громко обратился через всю комнату к Пеллетеру:

— Инспектор! Ваш ужин уже готов, его сейчас подадут.

Другой посетитель оторвался от своей еды при виде этой театральной сцены. Они с Пеллетером смущенно переглянулись, и посетитель возобновил свою трапезу.

А хозяин уже стоял возле столика Пеллетера.

— Ой, ну расскажите мне все об этом деле, — сказал он. — Неужели у нас в Вераржане начали убивать людей на улицах? Нет. Нет, нет, ни за что не поверю! — И, причмокнув, он покачал головой.

Хорошее настроение у Пеллетера тотчас же улетучилось. В таком маленьком городишке пересуды, конечно, были неизбежны, но для Пеллетера нежелательны.

— Да нам ничего пока не известно, — сказал он.

— Как это неизвестно? Ведь Бенуа нашел его прямо на улице, этого бедолагу!

Девушка принесла Пеллетеру его ужин — цыпленка в винном соусе с гарниром из тушеной спаржи. Поставив перед ним дымящуюся тарелку, она отступила назад и встала за спиной у хозяина.

— О-о-о, вот и ваш ужин. Ешьте на здоровье. Вам понравится. Приятного аппетита! — И он шепотом сказал девушке: — Оставь господина инспектора одного. Иди!..

Он снова повернулся к Пеллетеру — как раз в тот момент, когда тот положил себе в рот первый кусочек. Но тут же сообразив, что сам он, по-видимому, тоже мешает инспектору, еще раз пожелал ему приятного аппетита и повернулся, чтобы уйти, остановившись только по дороге ненадолго у столика другого посетителя.

Еда была вкусной, но Пеллетер ел автоматически, без удовольствия. Хозяин отеля своими вопросами вернул его к мыслям об этом таинственном деле. Кто вытащил Меранже из тюрьмы и когда его убили — в стенах тюрьмы или за ее пределами?

Он съел уже половину порции, когда на пороге обеденного зала появилась молодая женщина. Очень миловидная, в дорогом платье, подчеркивавшем ее изящные формы, но она явно чувствовала себя в нем неудобно, так как обернулась сверху шалью. С порога она всматривалась в зал, нервно крутя на пальце обручальное колечко.

Пеллетер немного подождал и махнул ей.

Она сразу же направилась к его столику.

— Инспектор, простите, что беспокою вас.

Посетитель за другим столиком, оживившись, обернулся на ее голос. В маленьком городке, как всегда, нельзя ни от кого укрыться. Только при этом почему-то никто ничего не видел и не слышал вчера вечером, когда был убит Меранже.

Пеллетер пригласил незнакомку сесть напротив, и она, отодвинув стул подальше, присела на самый краешек, тем самым подчеркивая, что не собирается пробить здесь долго.

— Я — мадам Розенкранц, — представилась она и смущенно опустила глаза.

Она оказалась моложе, чем Пеллетер ожидал, — лет девятнадцати, не больше. И было ясно, почему Розенкранц женился на ней, — она была невероятно хороша собой.

Робко подняв глаза, она проговорила:

— Муж сказал, что вы приходили, хотели поговорить со мной.

— И он отпустил вас из дома в такую поздноту и в такую погоду?

— Он не хотел отпускать, но всегда в конечном счете делает то, что я ему говорю. — И она снова опустила глаза, смутившись от этого признания.

Пеллетер попытался представить себе писателя-американца, исполняющего любую волю жены, и понял, что в ее случае такое вполне возможно.

— А я, признаться, удивлен, что он вообще сообщил вам о моем приходе. Он явно не был рад видеть меня.

— Это потому, что вы застали его за работой. Он, когда пишет, совсем другим человеком становится. Поэтому я часто просто ухожу.

— Куда?

— Просто ухожу из дома, — сказала она, не пожелав развивать эту тему. Она теперь смотрела на него в упор, и от ее смущения почти не осталось следа. — Он сказал, вы приходили насчет моего отца.

— Да.

Она помолчала и, не дождавшись от него разъяснений, сказала:

— Он мертв, так ведь?

— Да.

Женщина снова опустила глаза, и по движению ее рук Пеллетер догадался, что она опять крутит на пальце обручальное колечко. Он ждал, что выражение лица ее как-то изменится, но этого не произошло — ни слез, ни удивления.

— Его убили? — спросила она голосом тихим, но несколько не дрогнувшим.

— Откуда вам это известно? — уточнил Пеллетер, насторожившись.

— Ну... его пекарь нашел, а потом приходите вы... — Она подняла на него глаза. — Что же еще может быть? — произ-

несла она с нервной усмешкой, скрывшей на ее лице все другие чувства.

— Ваш муж сказал, что вы ненавидели отца. Что вы не разговаривали с ним с тех пор, как он угодил за решетку. Ваш муж подчеркнул это неоднократно.

— Вы ешьте, ешьте, пожалуйста, — сказала она, кивнув на его тарелку. — Я же помешала вам ужинать.

— Почему вы ненавидели отца?

— Ничего подобного. Никакой ненависти не было.

— Но вы, как видно, не очень-то расстроены из-за его смерти.

— Для меня он был уже мертвым. Но ненависти к нему я не испытывала. Все-таки отец есть отец. — Она пожала плечами. — Он убил мою мать.

Пеллетер удивился.

— Такой записи нет в его деле.

— Но он убил ее. — Она поджала губы. — Не в прямом смысле слова, конечно. Он подверг ее опасности, и ее убили. Он задолжал деньги и сбежал. — Она снова пожала плечами. — Так всегда бывает.

Пеллетер внимательно изучал ее. Он вдруг понял сейчас, что первоначальная робость была, скорее всего, результатом выпавшей на ее долю неожиданной удачи — состоятельный муж, семейное счастье. Она, несомненно, была знакома и с более суровой жизнью, а сейчас просто предпочитала скромно держаться в тени. Что наверняка было непросто, учитывая ее очаровательную внешность.

— Муж, должно быть, заменил вам отца.

— Это вы из-за возраста так подумали? Нет. Вовсе нет. Мы с ним...

— А зачем кому-то могло понадобиться убивать вашего отца?

— Он был плохим человеком, — сказала она.

— А какая-нибудь более конкретная причина вам на ум не приходит? Вы знаете кого-нибудь, кто мог бы желать смерти вашему отцу?

Она покачала головой, смущенная его настойчивостью.

— Нет... Не знаю... У меня с отцом не было ничего общего. Пеллетер продолжал наседать.

— Но вы ходили повидаться с ним.

Она снова потупилась и тихо призналась:

— Да.

— И ваш муж об этом не знал.

— Нет, не знал... наверное.

— А почему вы не говорили ему об этом?

Она не ответила.

— Если это приходилось скрывать, зачем вообще было встречаться с отцом?

Она вдруг смело посмотрела ему в лицо.

— Потому что он — мой отец.

— Когда вы последний раз виделись с ним?

— Не скажу точно. Где-то месяц назад. Может, больше... Я не регулярно ходила к нему. Иногда могла год не ходить и даже больше...

— Он говорил что-нибудь? Может, боялся чего? Не упоминал ли, что скоро выйдет из тюрьмы?

— Нет, ничего такого. Мы не разговаривали подолгу. Тогда как раз кого-то убили в тюрьме, но это же случается. Я не придала этому значения... Я вообще всегда ненадолго к нему приходила. А когда приходила, сама не могла понять, зачем это сделала.

Пеллетер наблюдал за ней. Она беспокойно теребила руки на коленях, время от времени с вызовом поглядывая на него. Ему вспомнился американский писатель, его вспышка гнева.

— А все-таки расскажите мне, — вдруг сказал он.

Она испугалась.

— Да мне нечего рассказывать!

— Нет, расскажите! — Он хлопнул по столу, зазвенев посудой.

— Мне нечего рассказывать! Мой отец мертв, я просто хотела убедиться в этом. Вот и все!

Они смотрели друг на друга в упор, не отводя взгляда.

— Да, он мертв, — произнес наконец Пеллетер и, взяв вилку, продолжил есть. Еда уже остыла, но ему было безразлично.

Мадам Розенкранц собралась с духом и встала. Постояв немного над ним, она сказала:

— Вы собираетесь что-то делать с этим?

Он внимательно посмотрел на нее, потом спросил:

— А вам это важно?

Он надеялся увидеть хоть какую-то реакцию на ее лице, но реакции не последовало, она просто сказала:

— Да.

— Собираюсь, — сказал он, возобновляя еду.

Она направилась к выходу демонстративно решительным шагом, но, уже выйдя в вестибюль, замешкалась, сразу снова превратившись в растерянное юное создание.

В обеденном зале стояла тишина. Даже дождь за окном прекратился.

На этаже в коридоре возвращавшегося с ужина Пеллетера подкараулил тот самый другой посетитель обеденного зала. Стоя на пороге противоположного номера, он изобразил на лице благодушную улыбку и протянул Пеллетеру руку для рукопожатия.

— Инспектор Пеллетер!

Преградив Пеллетеру путь, он пожал ему руку почти насильно.

— Я не хотел фамильярничать, но ничего не мог с собой поделать, потому что частично слышал ваш разговор внизу. А встретить знаменитость — это такая радость!

Пеллетер высвободил руку и попытался обойти незнакомца стороной.

— Очень рад, — сухо сказал он.

— Можно задать вам несколько вопросов? Не хочу навязываться, но вы же читали газеты, а из них никогда нельзя понять, насколько правдиво там все изложено. Как, например, в случае с нашей местной знаменитостью Мауссье.

Незнакомец стоял посреди коридора, перегородив Пеллетеру дорогу, и, чтобы обойти его, нужно было применить силу.

— А правда, что он держал детей в клетках?

Пеллетер изнемогал от усталости. Неужели людям не хватает всего того горя и страданий, что творятся в мире? Неужели обязательно вытаскивать на поверхность еще какие-то страшные подробности?

— Я, помнится, читал, что вы нашли ребенка в клетке и что там рядом были еще другие клетки... И что он вырыл у себя в подвале колодец, где натравливал детей друг на друга, устраивал между ними жестокие бои на выживание... Эти чудовищ-

ные образы так или иначе ассоциируются у меня с вами, я до сих пор вижу по ночам кошмары. После этих жутких историй в газетах. Это правда? То, что там было написано.

— Простите... — Пеллетер снова попытался прорваться через заслон.

— Я просто не понимаю, как можно было сделать такое, как такое вообще может прийти в голову! Похищать детей, морить их голодом и заставлять... — Он испытующе смотрел на Пеллетера. — И у него в клетках уже сидели двое оголодавших детей, которых он демонстрировал другим в качестве примера. Я ведь правильно понял?

Пеллетер был поражен — столько лет прошло, а люди до сих пор говорят об этом. Об этом чудовище, которое следовало бы забыть, а не прославлять.

Незнакомец продолжал:

— Да. И эти дети дрались друг с другом насмерть, а победителю разрешалось обглодать их кости, а потом ждать в клетке до следующей бойни. Потрясающе!

— Откуда у вас такой интерес к этому? — сухо поинтересовался Пеллетер, стараясь ничем не выдать своих эмоций.

— Ой, да просто любопытство. Я, знаете ли, питаю любительский интерес ко всяким криминальным тайнам.

Пеллетер почувствовал, что начинает злиться.

— Извините, — сказал он.

— Ой, конечно, я понимаю, уже поздно. Вы только скажите мне: это правда? Ведь газеты наверняка все преувеличили. Разве будет кто-то так издеваться над детьми ради собственного удовольствия?

— Мне нечего вам сказать по этому поводу. Это было очень давно.

— Тогда, может быть, скажете что-нибудь по поводу нашего местного убийцы? Подозреваемые у вас уже имеются?

Пеллетер сделал шаг вперед, пытаясь прорваться.

Но незнакомец не посторонился и упрямо заглядывал Пеллетеру прямо в лицо.

— Я не верю, что кому-то такое могло бы сойти с рук. Ну то, что сделал Мауссье. Я просто не могу поверить, что все это происходило на самом деле! Ну скажите!

Незнакомец, похоже, ждал от Пеллетера хоть какой-то реакции, так и эдак пытался добиться ее.

— Там найдены были кости с отметинами детских зубов! Так ведь? Если так, то это вообще в голове не укладывается!..

Взяв незнакомца за плечо, Пеллетер грубо отстранил его. Тот стукнулся о стену и подпрыгнул, чтобы удержать равновесие.

— Мне нечего вам сказать, — сказал Пеллетер, обходя его.

Незнакомец крикнул ему вдогонку:

— Значит, это все правда? И вы все это видели собственными глазами! Почему же вы не убили его прямо на месте?

Повернувшись, Пеллетер подскочил к нему и рявкнул:

— Потому что это не по закону!

— Да? А куда же смотрит закон, когда людей убивают прямо на улицах Вераржана?

Пеллетер еле сдерживался, сверкая глазами. Да, он мог, конечно, рассказать сейчас этому человеку о шрамах, оставшихся на том выжившем мальчике — шрамах, свидетельствовавших о его победах в тех жестоких звериных схватках. Мог рассказать, что те отметины от зубов на костях свидетельствовали о том, что этот мальчик за свою короткую жизнь убил по меньшей мере шестерых других детей и что его до сих пор содержали на привязи взаперти. Только это скрывалось от газетчиков ради самого же мальчика.

Но он просто сказал: «Спокойной ночи» — и пошел прочь.

— Да я не подразумевал ничего такого... Просто спросил... — крикнул ему вслед незнакомец.

Пеллетер отпер дверь своего номера.

— А вы... — начал было незнакомец, но тут же умолк еще до того, как Пеллетер переступил порог и закрыл за собой дверь.

Пеллетер был взбешен. Ведь Мауссье это всего только один случай, а он мог бы рассказать этому приставучему человеку о множестве других уголовных дел, оставшихся без внимания прессы. И чем один такой случай страшнее другого, если и там и там погибают люди?

А люди продолжают погибать, и Мауссье опять почему-то рядом. И даже если Мауссье никак в этом не замешан, Пеллетеру от этого все равно не легче.

Набрав полную грудь воздуха, он медленно выдохнул, стараясь успокоиться. Ну попался тебе какой-то бестактный, назойливый человек. Зачем же так кипятиться? Ведь ты сам

сказал сегодня офицеру Мартену: люди способны на все что угодно. От них всего можно ожидать. Сейчас важно другое.

Как тело Меранже оказалось на улице?

И зачем им понадобилось переодевать Меранже из тюремной робы, скрывая, что он арестант?

Пеллетер снял пиджак и сел на постель.

Он пытался сосредоточить мысли на сегодняшнем разговоре с мадам Розенкранц. Но перед глазами почему-то так и стоял тот несчастный мальчик в клетке в подвале у Мауссье. И от этих воспоминаний мгновенно закипал гнев на постояльца из комнаты напротив, и Пеллетер, скрипя зубами, в ярости сжимал кулаки.

Конечно, газеты сделали свое дело. Разнесли вонь. Таковую же вонь, какая стояла тогда в подвале Мауссье. Пеллетер в тот день даже выбросил на помойку пиджак — чтобы избавиться от этого жуткого запаха.

И эти воспоминания он упорно гнал от себя, когда видел перед собой клоунскую ухмылку на лице Мауссье, беседуя с ним сегодня в комнате для допросов в Мальниво. Ему это удалось — удалось сосредоточиться на деле. А сейчас вот какой-то приставучий зануда умудрился застать его врасплох и вывести из себя.

Пеллетер сидел на постели и смотрел на телефонный аппарат на ночном столике, потом глянул на часы.

Звонить мадам Пеллетер поздновато — только разволнуется понапрасну.